

ЖЕНСКАЯ
ПРОЗА
РУССКОЙ
ЭМИГРАЦИИ

Составитель О. Р. Демидова

Издательство
Русского Христианского гуманитарного института
Санкт-Петербург
2003

СОДЕРЖАНИЕ

О. Р. Демидова

**ЖЕНСКАЯ ПРОЗА И БОЛЬШОЙ КАНОН
ЛИТЕРАТУРЫ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ 3**

З. Гиппиус

НАДЯ (ЗАПИСКИ МЛАДЕНЦА) 19
ЖЮЛЬЕН ИЛИ НЕ ЖЮЛЬЕН? РАССКАЗ 28
ТЫ — ТЫ 33
ПЕРЛАМУТРОВАЯ ТРОСТЬ (ОПЯТЬ МАРТЫНОВ) 39

А. Даманская

ПЛОНЖЕЙР 78
Я НЕ ХОЧУ... 85
ЛЕНЯ 91

Н. А. Лаппо-Данилевская

СОНЕЧКА 101
ТРАГИЧЕСКИЙ ТЕЛЕФОН 110
ЖЕНСКИЕ КАПРИЗЫ 113

Тэффи

ГОРОДОК ХРОНИКА 122
L'AME SLAVE 123
ГЕЛДА ГАБЛЕР 129
АННА СТЕПАНОВНА 132

Е. В. Бакунина

ТЕЛО ВВЕДЕНИЕ В РОМАН 135
ШТОРМ 151

Н. Берберова

ЗОЯ АНДРЕЕВНА 167
ИСТОРИЯ МАШИ МИМОЗОВОЙ 187
ЛАКЕЙ И ДЕВКА 210

А. Головина

ЧУЖИЕ ДЕТИ 246
ВИЛЛА «НАДЕЖДА» 251
ЛЕТНЯЯ КОЛОНИЯ 254

А. Кашина-Ереинова

НАСТОЯЩАЯ ЛЮБОВЬ РАССКАЗ ИЗ СОВЕТСКОГО БЫТА 260
РАЙ РАССКАЗ ИЗ СОВЕТСКОЙ ЖИЗНИ 269

Г. Кузнецова

ДРУЗЬЯ 281
ХУДОЖНИК 287

Н. Кодрянская

ДЕРЕВЯННАЯ ПАЛКА	318
ЗЕМЛЯ РУССКАЯ	324
МАРИЯ БЕЗРАДОСТНАЯ	328

И. Одоевцева

У МОРЯ	340
ПРАЗДНИК	352
VALENTINE	363

Георгий Песков

ВАЛЬКИРИЯ	376
МЕДУЗА	386
КУМ	402

Н. Резникова

ПОЛУКРОВКА	414
------------------	-----

И. Сабурова

ЛОШАДИ У КРЫЛЬЦА	423
ВСТРЕЧА	430
КОРОЛЕВСТВО АЛЫХ БАШЕН <i>ИЗ СКАЗОК ЖИЗНИ</i>	442

Т. Смирнова-Макшеева

ДИМОЧКА	451
КАРНАВАЛ	455
КАБАЧОК В ПЕРЕУЛКЕ	460

Е. Таубер

У ПОРОГА	464
АННУШКА	491
ОТЕЦ	499

Н. Федорова

МАДАМ БОВАРИ СО СТАНЦИИ ХИНГАН	509
ТАЛАНТ	520

Л. Червинская

МЫ	525
СКУКА	531
ОЖИДАНИЕ	536

З. Шаховская

ПУСТЫНЯ	564
ЧУЖОЙ В ГОРОДЕ	570
ОДИНОЧЕСТВО	578

Комментарии	582
-------------------	-----

Н. А. Лаппо-Данилевская

СОНЕЧКА

Маленькая портниха Сонечка тайно перебралась через границу и без денег, без вещей оказалась в Берлине. Город, с его суматохой, яркими витринами, кафе и ресторанами, сперва оглушил и ослепил ее после угрюмой, звероподобной жизни, которую ей пришлось три года влачить в Петрограде впроголодь и в промерзлой комнате, так как идти служить большевикам она наотрез отказалась.

Сонечке удалось найти в Берлине кое-какую поденную работу. Комнаты она не имела. Она ночевала в коридоре за ширмой на узком диванчике. Возле дивана она примостила сундук, на котором, вернувшись вечером с работы, зажигала маленькую керосиновую лампочку.

Писала Сонечка с ужасающими орфографическими ошибками, не признавая ни падежей, ни знаков препинания. Читать она любила запоем и, конечно, только романы, но передавала содержание прочитанного не только в сбивчивой форме, но иногда и совсем коверкая его, измышляя собственное.

Очутившись в Берлине, Сонечка довольно скоро освоилась с немецким языком; исключительно по системе звукоподражания, глотая и коверкая слова, она начала изъясняться. Миниатюрная, очень скромно, опрятно одетая, с розовыми, несмотря на частую голодовку, щеками, с подстриженными вьющимися рыжевато-бронзовыми волосами, проворная и веселая, Сонечка сразу завоевывала общую симпатию. Никто не мог определить ее лет. Одни говорили, что ей нет и шестнадцати, другие давали ей двадцать.

У Сонечки был талант, к которому с первого раза относились шутя, а затем многие заинтересовывались и искали случая встретиться с Сонечкой. Она гадала по картам, предсказывая самые сложные, ей самой не всегда понятные, комбинации. Сонечка была незатейливая, мало развитая мешаночка, но душа у нее была высококультурная, кристаллически-чистая. Ничто темное, грязное и бесчестное к ней не приставало. В Берлине она случайно встретила на улице свою петроградскую приятельницу Ньюшу, бывшую в былое время танцовщицей в «Аквариуме». Они бросились друг другу в объятия и в пять минут успели сообщить одна другой о своей настоящей жизни. Ньюша, хорошенькая, нарядная, с вызывающими манерами, много зарабатывала на фильме, танцевала в каком-то кабаре, пользовалась большим, хоть и мимолетным успехом у мужчин и потому жила весело, ни в чём не нуждалась. В Берлине она находилась с 1916 года и потому все лишения и ужасы, которые пережила Сонечка у большевиков, были ей чужды.

Сонечка очень обрадовалась встрече со своей хорошенькой и весело живущей подругой. Она часто забегала к ней и, со свойственной ей добротой, выполняла всякие ее поручения. Сонечку легко покоряла красота, и за смазливое личико Ньюши она часто исполняла ее капризы, хотя и не очень одобряла ее принципы. Все увещания Ньюши, относившейся немного свысока к скромненькой, незлобивой и простодушной подруге, Сонечка пропускала мимо ушей.

— Просто ты, Сонька, махровая дура! Ни за что бы я не отказалась поужинать пойти. Сама голодная, а козыряешь.

— Очень надо мне с таким уродом в ресторан ходить. Привяжется, тогда не отделаешься.

— Глупая ты! Да ведь у него денег уйма. Тут не в ужине дело. Он который раз тебя зовет, а ты нос ворочаешь. Я бы, на твоём месте, сперва поужинала, а потом в гости зазвала бы...

— Хороши гости у меня в коридоре...

— Ну, так сама к нему пошла бы, и уж тут он не отвертелся бы от меня: одел бы с головы до ног. Да не как попало, а шикарно.

— Очень мне надо от такой морды подарки принимать, — дергала Сонечка худеньким плечиком.

— Ну, по-моему лучше от морды подарок принять, чем шеголять в старых туфлях, не иметь ни пальто, ни шляпки. Нечего сказать — весело!

— Конечно не весело! — задумчиво отвечала Сонечка, и глаза ее тускнели от грусти.

— Спишь в коридоре, работаешь черную работу, ходишь трепаная. Разве это жизнь?! Слушайся меня. Плюнь на эти глупости. С мужчины надо драть во всю. Подай и все тут. А не желает — пошел к черту и никаких.

— Ну, а любовь? Без любви, значит?

— Это они мастера про любовь песни петь таким дурам, как ты. Меня не надуют. Коли желают, так можно и с любовью, а деньги все-таки подай. А ты распускаешь слюни, воображаешь, что невесть какую поэзию разводишь. Пошла бы я черный кофе хлестать, да еще без пирожных, в каком-то паршивом кафе со студентишкой, как ты на прошлой неделе! И что толку вышло? Прогуливалась с ним три часа, туфли промочила, устала, прозябла, нахлесталась черного кофе и все тут. Удовольствие, можно сказать!

— А я не понимаю, как это ты можешь, что ни неделя, то мужчин менять.

— Не понимаешь? А вот это понимаешь? — Нюша беззастенчивым жестом вздергивала юбку и показывала шелковое, отделанное кружевами «дессу», шелковый тоненький чулок и замшевые туфельки на маленьких ножках.

У Сонечки мелькала на губах неопределенная улыбка:

— Что ж. И у меня когда-нибудь будет.

— Жди, пока будет, а у меня уже есть.

— Ну и носи. Я тебе не завидую, — покорно возражала Сонечка.

Она уходила после таких разговоров с подругой задумчивая и немного расстроенная. Однако в ближайшие же дни опять подолгу гуляла со студентом по Тиргартену, промачивала ноги, зябла, «хлестала» пустой черный кофе в крошечном кафе, с блестящими глазами выслушивала его признания и ласковые речи о том, что она одна во всем Берлине стоит того, чтобы он с ней проводил время, что все остальные женщины мразь и тля, а она одна чистая, возвышенная и непроданная.

Сонечке эти речи прибавляли душевных сил в борьбе с жизнью на чужой стороне, а студент, доведя ее до трамвая, отправлялся к товарищам, жившим в предместье Берлина. В комнате стоял туман от табачного дыма, тренькала гитара, кто-то фальцетом подпевал цыганскую песню. Студент развали-

вался на стуле, пил пиво и объявлял, что чертовски устал, потому что в него втюрилась одна девчонка и таскала его на прогулку.

Однажды вечером Сонечка пришла к Нюше, не застала ее дома и решила обождать, так как сильно прозябла. Она зажгла свет и, с ногами усевшись на диван, принялась читать какой-то валявшийся, с затрепанными листками, роман. Она читала жадно, глотая, коверкая в уме фразы, теряющие благодаря этому логический смысл, не замечая того, что главы в книге отсутствовали, и на первой странице стояла «Глава V». Произошло это потому, что Сонечка не понимала римских цифр. Она так увлеклась чтением, что не заметила, как бежало время. Кто-то громко постучал в дверь. Она вздрогнула и спустила с дивана ноги.

— Войдите...

Дверь приоткрылась. На пороге стоял моложавый господин, в пенсне, бритый, худошавый, прилично одетый в сероватый костюм.

— Анны Тимофеевны нет?

— Нет.

— Очень жаль. А вы дожидаетесь ее? Книжку читаете?

— Да, скучно так сидеть.

— Вы по делу к ней?

— Нет, я ее подруга.

— В таком случае, позвольте представиться: Егор Михайлович Бумагин. Живем с вашей подругой в одном коридоре и дружим.

— Меня зовут Софья Михайловна.

— А можно звать прямо Сонечкой? Ей-богу, я человек простой. Вы не обижайтесь на меня. К тому же я вас немного и знаю. Мне много рассказывала Нюрочка про свою подругу Сонечку, которая чудесно гадает.

— Все это глупости! Никакого гаданья нет: просто шутки одни, — покраснела Сонечка и сделалась очень мила.

— Так вот про эти самые шутки я и слышал. — Бумагин сел рядом с Сонечкой, пытливым, острым взглядом окинул ее маленькую фигурку, поправил двумя пальцами пенсне, взял отложенную на диван книжку и перелистал ее.

— Что это за книжка? Как заглавие?

— Не знаю, я не поглядела.

— Интересно?

— Ужасно как интересно.

— Да ведь тут начала нет. Как же вы это читаете?

— Ну, так что же?! Так и читаю... — Сонечка сконфузилась и, чтобы скрыть выступившую на лице краску, низко опустила голову.

— У вас парик или свои волосы? — делая серьезное лицо, спросил Бумагин.

— Вот еще выдумали! Стану я в парике ходить.

— Чудесные волосы!.. — Бумагин протянул руку и погладил Сонечкины волосы.

— Вы обалдели или что?! — отшатнулась она.

— От чего мне обалдеть? Разве что от вашего присутствия. — Бумагин рассмеялся. — Ведь я сказал вам, что я человек простой, без всяких там выкрутас и обижаться на меня нечего. Хотите дружить со мной? Так давайте руку и дело в шляпе.

— Как дружить?

— Обыкновенно как. Экая вы подозрительная! По-простому дружить. Я вам буду говорить «миленькая вы моя Сонечка», а вы мне «ах, милый Егорушка» и ничего больше. Просите не просите — сказал, ничего больше и ничего, — опять засмеялся Бумагин.

— Да я и не прошу, и не хочу; с чего вы это взяли?! — хохотала Сонечка.

— Ну, я вижу, что вы веселая, и я не скучный, — значит, поладим. Знаете что, Сонечка: погадайте-ка мне, будьте добрая.

— Вот еще что выдумали! Я не расположена.

— Почему же вы не расположены? Ну, пожалуйста.

— Какое там гадание! Я озябла...

— Я вас согрею. Ей-богу, согрею. У меня были только что гости, и в бутылке осталось рюмки две водки. Хотите?

— Где ж это видано, чтобы пустую водку пить? Я не какая-нибудь алкоголичка, — обиделась Сонечка.

— Зачем же пустую! в коробке сардинки остались и бутерброд с ветчиной. Я сейчас принесу.

Бумагин, не ожидая реплики, быстро вышел. У Сонечки лицо повеселело: Бумагин, с его смеющимся лицом и товарищески-развязными манерами, ей понравился. К тому же она была голодна и возможность немного закусить ей была приятна.

Вошел Бумагин, неся на тарелке полубутылку с остатками водки, коробочку с тремя сардинками и один бутерброд. Он поставил это перед Сонечкой на столе подле дивана.

- А вот вам еще и плиточка шоколаду. Извольте-с.
- Давайте, давайте, я не откажусь. А где же рюмка?
- Ах, черт, забыл! Да вы так, прямо из горлышка.
- Пейте сами из горлышка, а я не стану.
- Капризница вы, я вижу. Ну, ладно, принесу вам и рюмку.

Сонечка тем временем принялась за сардинки.

Бумагин принес рюмку и карты, налил водку и подал Сонечке:

— Извольте откусать за мое здоровье и за нашу новую дружбу.

После второй рюмки у Сонечки заблестели глаза и покраснелись щеки. Она стала смеяться, шутить и, покончив с сардинами, бутербродом и шоколадом, отодвинула тарелку и охотно разложила карты.

Бумагин кричал от удовольствия, потому что карта была хорошая, и Сонечка предсказывала полную удачу и большие деньги. Он стал еще веселее, начал говорить ей комплименты и под конец пригласил ее ужинать на следующий вечер, обещав заехать за ней; потом посмотрел на часы, сказал, что его где-то ждут, а потому он, к сожалению, должен ее покинуть.

Сонечка с мечтательной улыбкой сидела на диване перед пустой тарелкой с жестяной коробкой от сардин и пустой полбутылкой от водки, когда наконец шумно вошла Нюра.

— Я так и знала, что ты тут. Чтоб его черт побрал, этого болвана Пузыряева! Взял да и переставил все номера программы. Мне надо было третьим номером танцевать, а он поставил седьмым. Я ему говорю, что меня будто где-то ждут, а он: ну и выкачивайте, говорит, только штрафу сто марок заплатите извольте. Вот уж настоящая свинья, можно сказать. Я есть хочу; давай сейчас будем есть и пить. А ты что же это: угощалась тут?

— Не я угощалась, меня угошали; и кавалер ничего себе — интересный.

— Кто такой? Да ну, говори же.

— Твой сосед по коридору — Бумагин.

— Вот кто! Ну, это, можно сказать, кавалер настоящий.

Пока Сонечка рассказывала подруге свое знакомство, та швыряла вещи направо и налево, быстро сбрасывала с себя обшитое кружевами шелковое белье и атласный корсет, надела теплый пеньюар, распустила густую косу и, сделавшись от это-

го еще красивее, стала доставать из шкапика разные вкусные вещи. Когда Сонечка сказала, что Бумагин пригласил ее на завтра ужинать, Нюра с некоторым удивлением посмотрела на подружку:

— Ты не врешь, Сонька?

— Нисколько не вру.

— Ну, так я тебя поздравляю. Бумагин очень богатый; денег у него уйма, это я знаю, и коли он тебя ужинать пригласил, так значит ты ему понравилась. Не будь душой хоть этот раз.

— Что ж, с этим я пойду с удовольствием. Он мне нравится, и такой вежливый, веселый, не то что этот твой знакомый, который сразу целоваться лез.

— Коли сразу лез, так, по мне, это и лучше, чем всякие малярии разводить. Только ты ведь дура, Сонька; я тебя ведь знаю: опять сорвешь дело.

— Никакого тут дела нет, а чтобы я сорвала, так ты тоже меня плохо знаешь... — У Сонечки от выпитых двух больших рюмок водки сильно кружилась голова и в присутствии победительницы мужских сердец, хорошенькой Нюши, в ее уютной обстановке, вдруг ей показалось, что и она обладает кровожадными инстинктами, заставляющими мужчин беспрекословно покоряться ее воле.

— Ты воображаешь, что я с мужчинами очень уступчива и нетребовательна, и очень ошибаешься: это я так с теми, кто ничего не имеет; ну, а если я знаю, что туго набитый карман, так уж тут от меня не отвертишься. — Сонечке ясно представилось, как она беспощадна. Она заложила ногу на ногу и гордо откинула голову.

— Тогда уж, брат, шалишь, — продолжала она, бросая победоносный взгляд на пустую полубутылку и коробку от сардин. — Тащи все, что имеешь, подавай без отговорок...

Нюша звонко расхохоталась:

— Ишь, как тебя разобрало!

— Ничего не разобрало. Такая всегда была. Ты думаешь, я даром ему гадала? Как бы не так! Приташил угощение, тогда и разложила карты.

— А много принес?

— Немало, — увлекаясь собственными фантазиями, ответила Сонечка. — Вот видишь: и сардины, и водка, и бутерброды, и шоколад. Наелась по горло.

— Молодец, Сонька! Коли не сдрейфишь с Бумагиным, так заживешь в свое удовольствие, попомни меня. Как поедешь ужинать завтра, так спрашивай что ни на есть подороже в ресторане, чтобы не вообразил, что ты стесняешься, потому что не привыкла в хороших ресторанах кушать. Перчаток у тебя нет, так возьми мои и чулки шелковые возьми.

В эту ночь Сонечка плохо спала, думая о предстоящем веселом свидании.

На следующий день Бумагин в назначенный час заехал за ней. Ужинали они в большом ресторане, где играла музыка, где было много нарядной публики и яркие электрические огни. Вся обстановка ресторана сразу возбудила Сонечку. Бумагину нравилась ее маленькая скромная фигурка, тихий смех, блестящие от удовольствия глаза, наивные вопросы и шутки. Он угощал ее дорогими блюдами и вином. Сонечка была в этот вечер счастлива; счастье ее не оборвалось, так как богатый делец на следующий день напомнил о себе звонком по телефону и коробкой конфет. Через несколько дней он повел ее в синематограф, а оттуда в кафе и опять подарил ей конфеты. Ньюша торжествовала, радуясь за подругу. Сонечка, хоть и не признавалась в этом подруге, но начинала не на шутку увлекаться своим кавалером.

Однажды он сидел с ней в кафе. Сонечка рассказывала ему о своей прошлой жизни, о ненависти к большевикам и бегстве через границу.

— Не скоро я вернусь в Россию... нет, не скоро, — задумчиво закончила Сонечка свой рассказ.

— Почему так? — спросил Бумагин.

— Опротивело все. Уж очень много нагладелась я всякой грязи у большевиков.

— Ничего. Это дело народное, — усмехнулся Бумагин. — Отчего же не вернуться в Россию?! И там можно дела делать.

— Так что же вы не едете? — язвительно спросила Сонечка.

— Кто знает, может и поеду, — загадочно улыбнулся он.

— Так ведь там большевики!

— Ну и пусть. Мне дела делать надо, деньгами ворочать, а на политику я плюю.

— Какая же это политика?! — изумилась Сонечка. — Ведь и я политикой не занимаюсь, а с большевиками жить не хочу.

— Вы человек не деловой, потому это, — пояснил Бумагин.

— Хоть бы и деловой, а все-таки не стала бы против совести идти, — серьезно проговорила Сонечка.

Бумагин сдвинул брови:

— Вы что же — буржуйка, монархистка?

— А вы кто — большевик?

— Я — делец, мне нужны деньги, а на остальное я плюю, — вот кто я. И вам советую быть поумнее. Вы — человек рабочий, сами себе хлеб зарабатываете, а мыслей набрались буржуазных.

— Коли по совести жить вы называете буржуазными мыслями, так пусть и будет так, а с вами я не соглашусь.

— А если я вам предложу вместе в Россию поехать, и нуждаться ни в чем вы не будете, что вы мне ответите? — серьезно спросил Бумагин.

— Ни за что я не поеду. Ни за какие деньги. Пока большевики там, я не поеду.

Бумагин покачал головой:

— Глупость и предрассудки! Кто хочет дела хорошо делать и весело жить, — надо это все отбросить.

— Нет, я не согласна. Надо совесть иметь, а по-вашему выходит, что для денег надо совести лишиться...

В этот вечер Сонечка, расставшись с Бумагиным, была грустна. Через несколько дней, опять встретившись с ним, она была менее оживлена, чем всегда, и он показался ей уже не таким интересным. Хотя она обещала самой себе не затрагивать в беседе с ним никаких вопросов на политические или партийные темы, однако первая опять заговорила о большевиках. На этот раз они поспорили сильнее. Сонечка была даже резка. Бумагин высмеивал ее и язвил:

— Ишь какая буржуйка взялась! Монархистка!..

— Пусть я монархистка, это мое личное дело, а вы большевик.

— Что ж, я не гнушаюсь, — скосил Бумагин губы, затягиваясь дымом папироски. Сонечке его лицо показалось в эту минуту совсем неприятным. Она отказалась от пирожных и вина, выпив безо всего чашку кофе.

— Что ж, не хотите со мной в Россию ехать? — спросил он ее, выходя из кофейной.

— Нет, не хочу.

— Ну, что ж: оставайтесь здесь гнить.

— А вам-то что?? Ну и сгнию.

— Жаль вас. Вы не то, что ваша подруга Нюрочка.

— А вот вы бы ей предложили. Она наверное поедет с вами к большевикам.

— Конечно, поедет, да только она мне не нравится. Так, так. Очень глупо, что вы от счастья отказываетесь, — идя рядом с Сонечкой и искоса поглядывая на нее, процедил Бумагин.

— Кому счастье в деньгах, а кому в чистой совести и в любви к Родине. Ну, прощайте. Мне надо еще в другое место зайти. — Не глядя на Бумагина, она протянула ему руку и быстро побежала прочь.

Через несколько дней она, сидя у подруги, молча выслушивала упреки:

— Я говорила, что ты дура, так и вышло. Бумагин все мне рассказал. Этаким случаем упустила! Сам говорил мне, что денег на тебя не пожалел бы. Есть нечего, а политику какую-то разводишь.

— Какая же это политика? Может, этот Бумагин и сам большевик, — тихо вставила Сонечка.

— А тебе что за дело? Пусть большевик. Обобрала бы денег сколько надо и ушла бы.

— Разонравился он мне. Я так не могу... Лучше буду черную работу делать, а без любви не хочу.

— Вот уж дура ты — так дура, — хохотала Нюша. — Без любви не могу... — передразнила она ее. — Ну и хлещи пустой кофе со студентками, размазывай с ними про любовь.

— Что ж, и буду. А Бумагин твой подлец, Россию он не любит, и больше я с ним видаться не желаю. Так и скажи ему. — Сонечка взъерошила свои курчавые рыжие волосы, решительным движением набросила на плечи старенькое холодное пальто и ушла.

— Господи, бывают же такие дуры на свете! — хохотала ей вслед Нюша.

ТРАГИЧЕСКИЙ ТЕЛЕФОН

Было поздно, когда раздался настойчивый звонок телефона. Я подошла к аппарату.

— Алло!... я слушаю.

— Милая, здравствуйте. Я звоню вам, так как знаю, что только вы поймете меня, — услышала я хорошо знакомый мне срывающийся от волнения голос.

— Что случилось, Евгения Михайловна? — спокойно задала я вопрос, давно привыкнув к ее телефонам и трагическому тону.

— Ну, этот раз, конец... всему конец!... Сегодня я повешусь... и, ради бога, ни звука сожаления... я повешусь, я сказала, что повешусь... Вы слышите?

— Да, я слышу.

— Больше я не могу! Понимаете ли: не могу больше! Эта одинокая жизнь, эта пустота и безденежье! Все чулки подрались, вместо меха на плечах мотается какая-то рвань... мои «дессу» ни на что не стали похожи... корсет разлазится... Довольно этого глумления жизни... я не могу существовать на триста франков.

— А те двести, что вам недавно прислали?

— Они разлетелись как пар: купила шляпку, туфли, пошла раза два-три в оперу, ну, там духи, пудра, мыло... Ах, все это надоело до отчаяния!... Подсчитывать и дрожать над каждым грошом... Больше я не могу и не хочу... Повторяю вам, через час меня не будет.

— А вы приготовились?

— Что тут готовиться? Крючок и веревка есть. Я с восторгом вложу голову в петлю, освобожусь от этой позорящей меня пошлой рамки. — Послышались всхлипывания. — Сегодня я должна была стирать сама блузки... теперь на руках какие-то красные жилки... прощайте, дорогая... вы всегда подбодряли меня... спасибо вам за это. Прощайте, пусть ваша жизнь будет светлым праздником, а с меня довольно... вы слышите?

— Да, конечно, я слышу. — Я вздохнула как можно тяжелее и поближе к трубке. — Что же делать! Раз вы уж так твердо решили, я не хочу мешать и отговаривать, если жизнь вам опротивела.

— Да, да! веревка, могила, крест, покой и конец, всему конец... — Всхлипывания перешли в рыдания.

— Послушайте, Евгения Михайловна, а вы знаете, что веревку надо как-то там мылом намазать.

— Зачем?

— Право, не знаю зачем. Вероятно, чтобы лучше задушило. Советую вам это сделать. А кроме того, непременно сделайте гимнастику по Миллеру. Все позы сделайте непременно.

— Это зачем?

— У Андреева это описывается в «Семи повешенных». Вероятно, для бодрости и для хорошей циркуляции крови, а то может повешение не удастся: от плохого кровообращения руки могут дрожать.

— Вы думаете?...

— И еще мой личный совет: выпить горячего чаю с хорошей дозой коньяку. У вас есть?

— Есть.

— Ну, вот и отлично. Христос с вами! Я уверена, что все обойдется благополучно, и вы повеситесь удачно.

— Вы смеетесь надо мною?...

— Уверяю вас,нисколько!...

— Так вы согласны, дорогая, что другого выхода у меня нет?

— Пожалуй, вы правы. Прощайте... буду часто вспоминать вас... Ах да, еще одно слово: если бы почему-либо вы отложили ваше намерение на одни сутки, то приходите ко мне завтра к завтраку. Я вам расскажу кое-что интересное.

— Что именно?

— Не могу же я в такую для вас трагическую минуту рассказывать вам всякий вздор, который болтает Никита Рогожин.

— Вы его видели?

— Да, вчера видела, и он говорил мне, что видел вас возле Орега, что на вас была какая-то особенная шляпка и что вы были в ней так очаровательны, что победили его сердце.

— Наверное, та, что я недавно купила — с крылышками. Ах, до шляпки ли мне теперь!... Ничего мне больше не нужно... — опять послышались всхлипывания.

— Итак, милая Евгения Михайловна, решено, что если вы ваше намерение отложите, то в час дня я жду вас к завтраку. Советую вам надеть шляпку с крылышками, так как будет Никита Рогожин.

Я повесила трубку и спокойно пошла спать.

На следующий день, ровно в час дня, Евгения Михайловна стремительно вошла ко мне, с разгоревшимися глазами, в шляпке с серыми крылышками, интересная и оживленная.

— Ах, милочка, какую я только что модель видела!... Что-то восхитительное!... Все из черного муселина, отделанного удивительными мотивами... А где же Никита Рогожин? — оборвала она себя.

— Сейчас приедет.

Глаза Евгении Михайловны заблестели. О намерениях предыдущей ночи не было и речи.

ЖЕНСКИЕ КАПРИЗЫ

На маленькой станции, залитой лучами итальянского солнца и ароматами роз, вдали, над убегающей полосой рельс, на фоне голубовато-сиреневых гор показался дымок. Поезд быстро приближался, расстилая над собой длинный хвост перламутрово-легких клубов дыма.

Донесся сперва слабый, потом все более отчетливый и сильный гул тяжело бряцающей стали. Наконец, ворвался грузный закоптелый паровоз и вслед за ним извилистым полукругом выплыли вагоны, громыхающие колесами. Обдало струей душистого и дымного воздуха. Раздался свисток, и поезд остановился.

На площадке стояла улыбающаяся женщина. Фиолетовый шарф был отброшен с лица с живыми, смеющимися глазами.

Она спрыгнула на платформу и, сверкая белизной зубов, ярким румянцем и молодостью, помогла своему мужу, блестящему как и она молодостью и здоровьем, собрать ручной багаж.

Городок, расположенный на берегу соленого, будто из волшебной сказки, озера, весь сиял в струях благоухающего ароматами воздуха, как сияли и переливались струи вод, в которых, как в изумрудном зеркале, отражалась изумрудно-зеленая гора.

Пока ехали в маленькой аккуратной отельной карете, с надписью золотыми буквами «Отель Палас», он не выпускал из рук ее руки.

Приехали в отель, большой, нарядный, с мраморными ступенями и алым ковром в просторном прохладном «холе». Подвижный итальянец, управляющий отелем, радушно встретил их и повел по широкой, уставленной пальмами лестнице.

— Предлагаю вам, синьоры, эту роскошную комнату с великолепным видом на озеро и большим балконом... Что скажете, синьора?

Вертялый итальянец блестел и играл глазами в ее сторону, одобряя вкус «знатного» иностранца, как он сразу определил его по внешности, манерам и по дорожным вещам.

— Эта комната мне очень нравится, — проговорила она, стоя перед зеркальным шкафом и поправляя выбившиеся из под шляпки волосы.

— Отлично, значит, мы ее и берем, — весело отозвался он.

— То есть это я ее беру, — поворачивая голову от зеркала, понизив голос, проговорила она.

— Я тебя не понимаю...

— Это будет моя комната, а ты возьми рядом.

— Элля, ради бога!... — подошел он к ней: — Что это значит? Ты хочешь, чтобы мы были врозь?... Я так не могу, я не хочу, Элля!

Хотя он говорил по-русски, но, по выражению лица, не мудрено было понять, о чем шла речь; а тем более бывалому и опытному метрдотелю. Он скромно отошел к балкону и, перегнувшись через перила, не слишком громко, чтобы не мешать «синьорам», отдавал приказания подвизывающему розы садовнику.

— Костя, прошу тебя!... Это невозможно. Ты же знаешь, что меня стесняет твое присутствие. Пойми же, мне надо одеваться, умываться, раздеваться, причесываться.

— Ну, и что же?... Я буду зажмуривать глаза, буду сидеть истуканом на балконе, буду держать голову под подушками. Все, что хочешь, только не гони меня от себя.

— Господи, что за слова: не гони!... Но ведь я буду как в плену!...

— Да, да, именно в плену, — обрадовался он, — в самом нежном плену, умоляю тебя, Элля!

Она нетерпеливо пожала плечами:

— Делай как хочешь!

— Итак, мы решили взять эту комнату, — поспешил он заявить метрдотелю.

Солнце заливало комнату и, преломляясь в краях зеркала, играло на потолке дрожащими радужными полосами. Через распахнутый балкон видна была часть улицы, огибающей зеленое озеро, с благовонными пышно-раскидистыми кустами розовато-алых олеандр вокруг ослепительно-белых вилл, с ползучими по фасаду розами. Все ликовало, торжественно звенело

аккордами жизни. Сердце рвалось из груди от радостного сознания общения с этой, зовущей к радостям, природой.

День прошел незаметно. Вечерняя дымка неожиданно и быстро окутала землю, горы, озеро и белые виллы с благоухающими садами. Вернулись с далекой прогулки, когда совсем стемнело и в пустом «холо», обставленном разноцветной плетеной мебелью, ярко горели стенные электрические лампы. Благодаря мертвому сезону, отель был почти пуст.

Чувствуя себя хозяевами громадного здания, они расположились в уютном уголке и велели подать себе чай. Пока его готовили, она подошла к пианино. На звуки ее вальса выплывала откуда-то сухошававшая фигура англичанки, со взбитыми, скверно подкрашенными, рыжими волосами, длинной плоской талией, выдавшимися передними зубами и большими ступнями. Она села в отдаленном углу за колонной и, раскрыв книгу, слушала вальс; потом углубилась в чтение, забыв о присутствующих.

Пробило десять. Лакей потушил люстру подле лифта. Сухопарая англичанка сложила книгу и скрылась в боковую дверь.

— Я думаю, и нам пора, Элличка. Тут нравы патриархальные, — проговорил он вставая.

— Да, пора. Ты подождешь здесь?

— Ну вот, зачем это? подыдемся вместе. Пока ты будешь раздеваться, я покурю на балконе.

— Ах, Костя, я терпеть не могу, когда кто-нибудь у меня над душой стоит. Что тебе стоит подождать внизу?!

— Изволь, изволь, я подожду...

Она поднялась в свою комнату. Из распахнутой на балкон двери вливалась ароматная ночь с мигающими на темно-синем небе звездами. Ничто не нарушало покоя и сна утомленной дневным зноем природы. Над миром в бесконечном аккорде реяла божественная гармония. Внизу под балконом слышались мирные шаги, захрустел гравий на дорожке сада, и она различила его силуэт, с тлеющим и вспыхивающим огоньком сигары. Она зажгла электричество. Комната, вынырнувшая из мрака, выглядела уютно и нарядно. Всюду расставленные в высоких фужерах розы и гвоздики яркими тонами подымали бледно-розовый колорит комнаты. Накинув пеньюар, она прошла в ванную. Глянцевитые плитки белого изразца казались бледно-зеленоватыми под зыбкодрожащей водой, с шумом бегущей из никелевого крана.

Она нежилась и тихо плескалась в воде, когда послышались в коридоре, заглушенные ковром, шаги и, после нескольких минут, раздался стук в дверь ванной:

— Элля, ты здесь?

— Да.

— Что ты так долго? Я думал, ты уже легла. Пожалуйста, выходи поскорее, Элличка.

— Хорошо, — отвечала она и в то же время подумала, что если бы он не настаивал иметь общую комнату, то ее не стесняла бы мысль, что он ее ждет в коридоре, и она не спешила бы выйти из ванны.

Вставали они поздно. После сытного завтрака, так как он придавал еде большое значение, они отправлялись куда-нибудь на лодке, на парходике, или в экипаже; там пили чай, кофе, ели фрукты, мороженое и, совершенно ослабевшие от жары, отдыхали в тени от знойных лучей солнца. Прячась от людских глаз, он искал возможности, зажав в руке ее руку, повторять ей о своей страстной, все нарастающей любви.

К вечеру они возвращались домой, обедали в почти пустой, освещенной всеми стенными лампочками, столовой и заканчивали вечер на большой террасе, тонувшей в ночной теплой мгле. Долго сидели в глубоких плетеных креслах и, глядя на вызвездившийся бездонный купол небес, переговаривались о впечатлениях минувшего, яркого и знойного дня.

Она, в своих отношениях к нему, оставалась бережливой и осторожной к хрупкой рамке взаимных отношений.

Он, счастливый и довольный, становился менее бережлив.

— Элличка, я адски устал и не могу сегодня ждать внизу, пока ты разденешься. Ты умывайся, а я посижу на балконе, — сказал он ей однажды, и с тех пор подымался одновременно с ней, побуждая ее протесты ласковыми и просительными речами. Она вытребовала себе ширму, которой заставила умывальник; но однажды эта ширма, в критический для нее момент, полетела на пол. Он сорвался с балкона подымать ширму; она, не зная куда спрятаться, заметалась, толкнула кувшин с водой, вода разлилась... произошло замешательство. Он громко смеялся, она негодовала:

— Я говорила, что не хочу иметь общей спальни, вот и вышло... — повторяла она, чуть не плача.

— Ах, Элличка. Да ровно ничего не вышло! Ведь я же обожаю тебя и был бы счастлив, если бы ты наконец совершенно перестала стесняться меня. Ты — это я.

Ей приходилось все чаще и чаще повторять ему:

— Да отвернись же, Костя; отвернись, прошу тебя!..

Обыкновенно он просыпался утром первый, умывался, одевался, будил ее и спускался вниз, где ожидал на террасе, чтобы пить кофе. Случилось так, что она проснулась, как только он встал, но, продолжая лежать неподвижно, сквозь ресницы полузакрытых век стала наблюдать за ним, так как он пренебрег ее просьбой заставлять кровать ширмой.

С всклокоченными густыми волосами, он стоял среди комнаты и, в странно неуклюжей позе, делавшей его смешным, ритмично выбрасывал руки вверх, в стороны и вниз. Потом он стал так же выбрасывать ноги, сгибая и разгибая торс. Мускулы упруго напрягались и дрожали под лоснящейся тонкой кожей. Затем он подошел к умывальнику и, расставив ноги, стал умываться, почему-то фыркая и расплескивая кругом себя воду, которая обильно стекала по локтям, образуя на полу лужицу. Обтирая все тело большой мокрой губкой, он кряхтел и сопел.

Все это казалось ей некрасивым и смешным. Затем, раздетый и непричесанный, он сел подле полуоткрытой решетчатой ставни балкона и, вооружившись ножницами, заложив ногу на ногу, стал приводить в порядок ногти, совершенно не замечая, что она пристально и внимательно следит за ним. Надев панталоны и натягивая подтяжки, он как-то приседал, выпрастывая ноги. Она закрыла глаза, так мало интересен он казался ей в эти минуты. Когда она спустилась на террасу, где он ожидал ее, причесанный парикмахером, с тонким запахом вежеталя на блестящих волосах, он был совсем не похож на того растрепанного, с неуклюжими позами мужчину, который одевался в ее спальне.

— Ты, Костя, напрасно не заставляешься ширмой, когда одеваешься и делаешь гимнастику, — сказала она серьезно, размешивая ложечкой кофе и не глядя на него.

— А что, разве ты не спала?

— И не думала...

— Плутовка! Я и не подозревал... — засмеялся он.

— Что же тут смешного? — пожалала она плечами.

— Ах, Элличка, ну пора же тебе проще относиться к этим вещам.

Она удивленно подняла на него глаза:

— Зачем? Я этого совсем не хочу.

— Жизнь — это проза; так и надо на нее смотреть.

— Совсем это не так, — покачала она головой.

— Непременно вам, женщинам, надо облекать жизнь в какие-то фантастические формы, — улыбнулся он.

— А вы, мужчины, слишком реальны.

— Это верно, но происходит это оттого, что жизнь есть явление реальное, и мы смотрим на нее просто и ищем удобств, а не стесняющих нас фантазий. Как видишь, все это несколько не умаляет нашей любви к женщине, которая нам близка.

Он говорил правду, так как ни на минуту не отходил от нее, не отгадывая, что у нее все настойчивее и настойчивее являлась потребность побыть наедине с собой, со своими мыслями.

— Ты собираешься уходить? — спрашивал он ее, видя, что она прикалывает перед зеркалом шляпку.

— Я на минутку, пробегу в лавки: мне надо подобрать кружева.

Он брал свою панаму и тросточку, посвистывая, закури-вал папиросу и ждал ее подле двери.

— Ты идешь? — скрывая легкую досаду, спрашивала она.

— Ну, конечно!

— Костя, да ведь я сейчас вернусь.

— Ну так что ж: зачем тебе выходить одной, — отвечал он, и они выходили вместе.

Однажды он заснул, полусидя на кушетке. Спал он крепко, с открытым ртом, из которого вылетал равномерный отрывистый храп. Она отложила книгу, тихонько встала, надела шляпку, осторожно открыла дверь и вышла. Было очень жарко. Зной, казалось, тяжело завис над землей, однако она вздохнула полной грудью, выйдя из ворот сада. Раскрыв зонтик и легко шагая, она пошла вдоль ослепительно яркой улицы к маленькой площади, с неизменным памятником Виктору-Эмануэлю, где под каменными портиками, защищенными от солнца пестрыми тканями, был ряд магазинов. Озеро было неподвижно и казалось расплавленным густо-зеленым металлом. Она заходила из лавки в лавку, разглядывая с интересом уже виденные ею вещицы, купила несколько хороших открыток, зашла в кафе, велела подать себе мороженое, села в тени про-

хладного портика и, наслаждаясь одиночеством, долго глядела на озеро и на редких в этот знойный час дня прохожих.

Вернувшись в отель, очень довольная своей прогулкой, она застала его в отвратительном настроении: он только что проснулся, узнал, что она вышла, был обижен и, продолжая лежать на кушетке с надутым и сердитым лицом, курил одну папиросу за другой.

— Это бессовестно, я зол на тебя!.. — раздраженно проговорил он, едва она появилась на пороге комнаты.

— За что? За то, что я вышла на полчаса в магазины? Не смей меня, Костя... — Она рассмеялась звонко и весело, сбросила шляпку и, стоя у зеркала, нарядная, оживленная и красивая, продолжала улыбаться, потому что у нее было отличное, бодрое настроение.

— Могла бы меня разбудить, чтобы идти вместе!

— Совсем этого не надо было. Я с удовольствием протерлась одна.

— Покорно благодарю!.. — Он сердито мотнул головою в ее сторону и поднялся с кушетки. Лицо у него было заспанное и надутое; волосы, приглаженные спереди, сзади были растрепаны, и один клочок смешно торчал на макушке. Галстук выполз над воротником, один ус опустился.

«Как он неинтересен!» подумала она, скользнув по нему взглядом.

Он же, не отгадывая ее мысли, подошел к ней и, во весь рот зевая, продолжал упрекать и изливать обиду.

— Перестань, Костя, это невыносимо, — пожалала она плечами и с досадой вышла на балкон.

Прошло два месяца. Все окрестности были объезжены, и прогулки повторялись без прелести новизны. Отель по-прежнему был почти пуст. Интересные книги были все прочитаны.

Он повторял, как и в первые дни, что ему никого и ничего кроме нее не надо, при малейшей попытке с ее стороны уединиться с книгой или в прогулке говорил ей неприятные вещи и так дулся, что она с досадой уступала.

Спустившись однажды к табльдоту, они увидели нового приезжего, высокого блондина, с прекрасными голубыми глазами, бритым лицом и отличными манерами. Они узнали, что это частый посетитель отеля, англичанин мистер Улик Дэн.

— Какое у него интересное лицо, — заметила она.

— Ничего особенного! — презрительно бросил он, пожимая плечами.

Она была очень довольна, что вскоре они случайно познакомились.

Он, не знавший английского языка, приходил в дурное настроение, когда с французского она переходила в разговоре с мистером Дэном на английский.

— Если ты будешь с ним говорить по-английски, то я буду уходить, — сердито заметил он ей однажды. Вскоре, без всякой предвзятой мысли, она заговорила по-английски, когда они стояли втроем подле рояля и перебирали ноты. Он раздраженно и решительно вышел в бильярдную. Наконец, ему надоело в одиночестве катать шары, и он вернулся.

Мистер Дэн показывал ей свой альбом с художественными набросками. Когда он подошел к ним, она подняла на него глаза, увидела недовольное лицо, повела бровью и снова принялась за альбом.

Он закурил папиросу и демонстративно сел поодаль. Вечером он ей устроил серьезную сцену.

Хотя он ровно ничего не делал, ему скучно не было. Она же скучала и, ища какого-нибудь занятия, с удовольствием играла в четыре руки с мистером Дэном и очень обрадовалась, когда он предложил ей вместе рисовать.

После первого же сеанса, на котором он присутствовать не пожелал, она, поднявшись в свою комнату, застала его сидевшим с расстегнутым воротом рубашки, закатанными рукавами, изнывающим от жары и нервно курившим одну папиросу за другой. По лицу его она поняла, что он сильно не в духе; у нее же было прекрасное благодушное настроение.

— Что с тобою, Костя? — ласково-примирительным голосом спросила она.

— Ровно ничего. Голова болит от жары, — коротко ответил он и раздражительно поднялся с кресла. От резкого движения у него сзади на поясе оторвалась пуговица и сорвалась петля с подтяжки.

— Ах, черт!.. — фыркнул он, чувствуя потребность выбраться.

Он достал из ее шкатулочки иголку с ниткой и, неумело и нетерпеливо тыкая ею, пробовал, вывернув руки назад, пришить пуговицу, отлично зная, что это ему не удастся.

— Господи, неужели ты не можешь даже пуговицы мне пришить?! — неожиданно сорвался он, топнув ногою.

— Ты с ума сошел? — обернулась она к нему.

— Это черт знает что! Ты два часа забавляешь разговорами эту дрессированную выдру — Дэна, а мне не можешь сделать простой услуги — пришить пуговицу.

— Не кричи, пожалуйста.

— Буду кричать!.. потому что все вы, женщины, на один лад: вам нужна новизна, вас взвинчивает неизведанное... Ты видишь, что я не могу пришить пуговицы и назло мне не хочешь помочь.

— И не помогу, — раздраженно ответила она. — Все эти твои сцены, дутье, подозрения и упреки становятся скучны и противны.

— А-га! значит, из-за того, что я попросил тебя пришить мне пуговицу, ты меня стала меньше любить.

— Да, да, да, из-за пуговицы! — воскликнула она. — Пусть будет из-за пуговицы! Только пожалуйста, не будем ссориться: это вульгарно.

— А не пришить мужу пуговицы, это не вульгарно?! Очень хорошее воспитание!.. Прекрасные семейные перспективы!

— Господи, что за невыносимый характер!.. Мне скучно, скучно с тобой... — вдруг разрыдалась она и выбежала из комнаты.

Он так ткнул иголкой, что до крови расцарапал себе палец и с проклятием швырнул пуговицу через балкон.

С тех пор, убежденный в прямолинейности своей мужской логики, он утверждал, что женщины настолько капризны, что из-за просьбы пришить пуговицу их чувства могут ослабеть.